

ный неприятельский выстрел вырывал из фронта такие же десятки» (с. 186).

В целом, книга даёт богатую пищу для размышлений, но отнюдь не для окончательных выводов о том, в какой мере усилия медиков и военных врачей влияли на заболеваемость и смертность, какие факторы оказывались решающими для их роста или снижения. В отдельных случаях благодаря умелым действиям военных и медицинских властей удавалось предотвратить распространение эпидемий, в других это оказалось невозможным даже при наличии необходимых запасов. Интересно, например, в какой степени результативность работы госпиталей определялась их персоналом: в ходе войны на службу принимались вольнопрактикующие врачи, иностранцы, были организованы ускоренные выпуски казённокоштных студентов, но, как указывает автор, в одной из армий эти меры значительно снизили качество медицинского обслуживания. Одновременно, как показано в книге, прекрасные результаты дало размещение больных и раненых в частных домах Новороссийского края (с. 146). Непонятно только, почему этот пример не получил более широкого распространения.

Так или иначе, в своём неординарном исследовании Ю.А. Наумова впервые в современной исторической науке на основе комплексного изучения военно-медицинской системы николаевского времени показала конкретные причины санитарных

потерь русской армии и флота в ходе Восточной войны. В результате проведённой на высоком профессиональном уровне, выдающейся по объёму исследовательской работы автором сделаны обоснованные выводы. Ю.А. Наумовой твёрдо установлено, что состояние и работа русской медицинской службы в 1853–1856 гг. отнюдь не свидетельствовали об её отсталости, а относительно высокие потери войск были вполне сопоставимы с аналогичными потерями противника, и их не следует относить к числу главных причин поражения России в войне.

Г.Н. Бибииков, А.В. Кухарук

Примечания

¹ *Богданович М.И.* Восточная война 1853–1856 гг. Т. 1–4. СПб., 1876; *Дубровин Н.Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1–3. СПб., 1900; *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856 гг., в связи с современной политической обстановкой. Т. 1–2. СПб., 1909–1913.

² *Бестужев И.В.* Крымская война 1853–1856 гг. М., 1956; *Горев Л.* Война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя. М., 1955; *Тарле Е.В.* Крымская война. Т. 1–2. М., 1942.

³ *Дубровин Н.Ф.* 349-дневная защита Севастополя. СПб., 2005; *Тарле Е.В.* Крымская война. Т. 1–2. М., 2005. Подробнее см.: *Наумова Ю.А.* Ранение, болезнь и смерть: Русская медицинская служба в Крымскую войну 1853–1856 гг. М., 2010. С. 10–20.

А.В. Игнатъев. Внешняя политика России в конце XIX – начале XX века. (Россия перед вызовами новой эпохи). М.: ГЕОС, 2011. 220 с.

Новая монография известного отечественного специалиста по вопросам международных отношений, доктора исторических наук, профессора А.В. Игнатъева посвящена комплексному исследованию внешней политики России на рубеже XIX–XX вв. Этот период чрезвычайно важен для понимания дальнейшего развития международных событий. Он знаменуется переходом мира в новое качественное состояние: старые сферы влияния уже не соответствовали новым геополитическим

и социально-экономическим реалиям. Сложилась единая мировая система капиталистического хозяйства. Для борьбы за контроль над жизненным пространством и передел мира формировались мощные военно-политические блоки. Стала складываться и новая система международных отношений, которая принимала всеобъемлющий характер. В 1904 г. один из родоначальников современной геополитики англичанин Х.Дж. Макиндер отмечал: «Отныне... в послеколумбову эпоху, нам

придётся иметь дело с замкнутой политической системой, и вполне возможно, что эта система будет системой глобального масштаба»¹. В складывавшейся тогда «системе» далеко не все её участники обладали одинаковыми правами и положением, так как мир разделился на великие державы, зависимые государства и колонии. Важнейшим элементом международных отношений стали острые противоречия между великими державами, соперничавшими между собой за передел мира и стремившимися к ослаблению или уничтожению конкурентов. Эти противоречия дважды, в 1914 и 1939 гг., приводили к мировым войнам.

Как указывает автор, в этой системе отношений Россия играла если не ведущую, то видную роль и, безусловно, принадлежала к числу великих держав, хотя и уступала некоторым из них по ряду параметров. К тому же, по словам А.В. Игнатьева, Россия «была переобременена наболевшими “вопросами”, уходящими корнями в прошлое и проистекавшими из социально-политической отсталости» (с. 4). Тем не менее по своему потенциалу, ресурсам, необъятности территории, благодаря своему многочисленному способному и терпеливому народу она была в состоянии ответить на вызовы эпохи. Но этот ответ во многом зависел от её внешнеполитического курса. Поэтому главную задачу своего исследования автор видит в выяснении, насколько верно определялось направление внешнеполитических усилий и военного строительства, как происходил выбор стратегических и временных партнёров и союзников в международных делах, в какой мере власть осознавала стоящие перед государством проблемы.

В исследовании рассматривается период от окончания ближневосточного кризиса 1890-х гг. до начала Русско-японской войны. А.В. Игнатьев отмечает, что комплексное исследование русской внешней политики данного времени в отечественной историографии предпринималось дважды: академиком В.М. Хвостовым в «Истории дипломатии» и коллективом авторов «Истории внешней политики России»². Отдавая должное своим предшественникам, которые сумели осветить

многие аспекты российской дипломатии тех лет, автор монографии стремился прежде всего «показать несоответствие между пониманием международной и внутренней ситуации правительством и его практикой, приведшей к войне с Японией» (с. 11). В связи с этим замыслом определялась структура монографии, состоящей из четырёх глав. В них последовательно рассмотрены внешнеполитические взгляды, господствовавшие в правящих кругах России, попытки смягчения международной напряжённости, возникшей из-за обострения ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, и российские действия на Тихом океане (аренда Ляодуна). В условиях относительной стабилизации обстановки в мире руководители русской внешней политики активно искали наиболее перспективный вектор и всё чаще видели его в укреплении позиций на Дальнем Востоке. В заключительной главе рассмотрены неудачные попытки Петербурга предотвратить войну с Японией, которая резко обнажила все внутренние и внешние пороки политики Николая II.

Автор монографии анализирует большой массив отечественной и зарубежной литературы разных периодов и направлений. Не менее впечатляющим является и обзор многочисленных источников, среди которых основу составляют материалы Архива внешней политики Российской империи и английского Public Record Office (фонды Foreign Office и кабинета министров). Тщательно отобранные и изученные А.В. Игнатьевым ранее неизвестные архивные документы придают особый вес и значение его работе, открывают новые важные нюансы сложнейших взаимоотношений глав государств и дипломатий разных стран.

В конце XIX в. происходила перегруппировка великих держав. Помимо тех, что выступали в этом качестве ещё на Венском конгрессе, в международную жизнь шумно и агрессивно вошли завершившие освоение своей территории Соединённые Штаты, объединившиеся, наконец, Италия и Германия, а также вставшая на путь буржуазного развития императорская Япония. Среди них наиболее активными и жадными до новых рынков сбыта, источников сырья и

стратегических пунктов были Германская империя и Япония, считавшие себя обойдёнными при дележе мира. Всё это существенно осложняло и без того непростые отношения между великими державами, интересы которых пересекались буквально по всем направлениям. На Тихом океане вокруг многомиллионного Китая возникла новая международная «подсистема», в которую включились как «старые» державы, так и США, Германия и Япония. Россия встретила здесь серьёзное сопротивление своим планам экономической экспансии и военного укрепления в Маньчжурии. Тем не менее наиболее важным изменением в перегруппировке великих держав А.В. Игнатьев считает возникновение русско-французского союза (с. 18).

В России внешняя политика была прерогативой правящей элиты, в первую очередь дворцово-чиновничьей верхушки, которая «косо смотрела» на интеллигенцию и журналистов, считая их некомпетентными в международных делах (с. 19). Именно эта элита вырабатывала внешнеполитическую доктрину, отражавшую её понимание национально-государственных интересов. При этом различные группировки по-разному видели перспективы внешнеполитического развития и возможных союзников. Анализируя полемику представителей этих группировок при формировании внешнеполитической программы в 1900 г., А.В. Игнатьев даёт нетривиальные характеристики крупным государственным деятелям – М.Н. Муравьёву, С.Ю. Витте, А.Н. Куропаткину и др. (с. 32–36).

В следующей главе рассматриваются «европейские корни» русской политики в Азии, складывание всемирной системы международных отношений, а также внутривнутриполитические факторы, воздействовавшие на внешнюю политику России (с. 44–46). Подробно освещаются русские интересы в Китае, корейский вопрос и действия «безобразовской клики». Отдельно говорится о противоречиях между Россией и США (с. 53–54). Особое внимание уделено укреплению союза России с Францией, а также стремлению русской дипломатии поддерживать ровные отношения с Германией.

Отдельный параграф посвящён «подмораживанию» положения на Балканах и Ближнем Востоке. Автор очень подробно характеризует сложнейшие хитросплетения интересов в этом регионе, фактически доказывая неизбежность мирового конфликта на фоне абсолютного пренебрежения интересами зависимых стран и народов Балканского полуострова (с. 71–72). При этом Россия занимала довольно сложную позицию, запутываясь в желаниях обеспечить своё влияние на Балканах, дать свободу христианам и опасениях потерять контроль над ситуацией в славянских землях. Более того, Турция представлялась оплотом консервативного порядка, и её неуправляемый распад пугал своей непредсказуемостью. Царская дипломатия с трудом преодолевала прежние династические пережитки и готова была идти на сближение с Австро-Венгрией по балканским проблемам.

Сравнивая внешнюю политику России, Англии и Франции, автор отмечает, что самодержавие чаще, чем «более гибкие парламентские режимы», лучше осознававшие коренные интересы собственной буржуазии, оставалось в плену стереотипов прошлого и утрачивало способность чётко видеть перспективу в быстро менявшейся международной обстановке (с. 92). И всё же А.В. Игнатьев, опираясь на введённые им в научный оборот архивные документы, описывает и новые методы приобретения сфер влияния (договоры о концессиях и строительстве железных дорог и т.п.). В поисках стабильности, осознавая свою недостаточную подготовленность к более решительным действиям, Россия прибегла к оригинальному дипломатическому шагу – предложению созвать первую конференцию мира в Гааге. Эта важная инициатива получила различное освещение в историографии: от полемической критики лицемерия империалистической дипломатии до более взвешенного анализа всего комплекса побудительных мотивов конференции. Автор книги склонен считать, что с помощью данной инициативы Россия стремилась достичь столь необходимого ей длительного внешнеполитического спокойствия (с. 93). И хотя конференция дала мало реальных результатов, не при-

ведя к приостановлению гонки вооружений, по её окончании русская дипломатия, по крайней мере официально, выражала оптимизм.

В поисках наиболее перспективного вектора внешней политики в начале XX в. Россия хотела быть в равном удалении, по словам товарища министра, а затем министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа, «от Потсдама и Букингемского дворца» (с. 103). А.В. Игнатьев подробно рассматривает весь спектр торговых, финансовых и дипломатических отношений России с Англией и Германией, а также их взаимоотношения между собой. При этом он констатирует, что и те, и другие пытались использовать Петербург в своих целях: немцы рассчитывали на русско-английские противоречия, а Германская империя, по мнению русских дипломатов, «систематическим вторжением своим в область первостепенных интересов России... не могла не вызвать к себе недоверия» (с. 118).

В последней главе своей монографии А.В. Игнатьев показывает, как русская дипломатия пыталась избежать военного столкновения с Японией, к которому страна была недостаточно подготовлена как в военном, так и в политическом отношении. Политика России, отражавшая борьбу различных группировок в правящих верхах, была непоследовательной, влияние ответственных политических деятелей падало, а авантюристы при поддержке царя набирали силу. Формально Русско-японская война была двусторонней, но, как справедливо отмечено в книге, фактически она являлась продолжением давнего столкновения на Тихом океане интересов целого ряда великих держав (с. 165). «Нельзя сказать, что политика России на Дальнем Востоке носила чисто авантюрный характер и не имела ничего общего с национально-государственными интересами страны, – заключает А.В. Игнатьев. – Но она явно опережала время, не имея прочной опоры в виде экономического освоения огромного дальневосточного региона» (с. 209). В целом, если говорить о всей внешней политике России этого периода, то, по словам автора, «собственные силы и возможности России преувеличивались её правящей элитой», «русские сановники и дипломаты

тех лет с трудом шли на компромиссы», а «государственный механизм не обеспечивал целеустремлённости и твёрдости международной линии» (с. 213).

С.П. Костриков

* * *

Изучение внешней политики, особенно такого непростого и обширного государственного организма, каким была Российская империя (в представлении последнего русского императора – «не страна, а часть света»), является одним из наиболее сложных направлений исторических исследований. Оно требует широкого кругозора и эрудиции как в области многофакторных международных отношений, так и в системе государственного управления, в рамках которой формировался внешнеполитический курс. Именно эти качества присущи доктору исторических наук, профессору А.В. Игнатьеву – старейшему и одному из наиболее компетентных современных специалистов мирового уровня в истории внешней политики России конца XIX – начала XX в., профессиональным изучением которой он занят уже на протяжении более полувека. В своих оценках и подходах автор рецензируемой работы опирается на достижения отечественной и зарубежной историографии, но в ещё большей степени – на итоги собственных исследований³. Новая монография А.В. Игнатьева впитала в себя результаты его плодотворной научной деятельности. Её главное достоинство состоит в целостном, комплексном взгляде на внешнеполитические «вызовы», с которыми столкнулась Россия в эпоху империализма, пути и способы их решения. Какие цели и задачи на мировой арене ставило перед собой российское правительство на рубеже XIX–XX вв. в условиях обострения соперничества великих держав и их консолидации в группировки? В какой мере избранный Петербургом внешнеполитический курс соответствовал национально-государственным интересам России? На эти и другие не менее масштабные вопросы пытается найти ответ автор книги.

Монография А.В. Игнатьева охватывает краткий временной промежуток –

с 1890-х гг. до начала Русско-японской войны, то есть примерно 10–12 лет, которые, однако, определили расстановку сил в мире на десятилетия вперёд и векторы внешней политики Российской империи до конца её существования. Россию автор рассматривает как самостоятельную и важную часть всемирной системы международных отношений империалистической эпохи и, исходя из этого, изучает её деятельность в Западной Европе, на Балканах, Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. Анализ внешнеполитических взглядов правящей элиты приводит А.В. Игнатьева к выводу о господстве в российских правительственных кругах убеждения в том, что империя уже достигла своих естественных пределов и не нуждается в значительном расширении. Тем не менее временами появлялось искушение не упустить «случай для экспансии», ««подправить» границы» для обретения выхода на просторы Индийского и Тихого океанов или хотя бы учинить «малую экспедицию» за рубеж, способную в числе прочего «оздоровить» неблагоприятный внутривнутриполитический климат. Не умея найти приоритет, Петербург стремился «быть сильным повсюду в надежде не упустить случай там, где он представится» (с. 23, 38, 209).

Как известно, внешнеполитическая доктрина российского государства в то время не была официально зафиксирована, но, как показывает А.В. Игнатьев, она поддаётся выявлению и формулировке. По его мнению, её основополагающими постулатами были европоцентризм (впрочем, постепенно размываемый), консервативно-монархическая солидарность и верность международным обязательствам при одновременном и осознанном стремлении везде и во всех обстоятельствах действовать в русле собственных национально-государственных интересов. Панславизм автор книги исключает из числа идейных основ внешней политики России. В последние годы правления Александра III и в начале царствования Николая II конкретные задачи и методы деятельности Российской империи на мировой арене эволюционировали от безотлагательного и силового решения проблемы черноморских проливов к поддержанию европейского равновесия путём

осторожного, с опорой на русско-французский союз, сдерживания экспансии других великих держав, в первую очередь Германии и Австро-Венгрии, и к попыткам временной консервации ситуации на Ближнем Востоке. Военное столкновение с Тройственным союзом, «долженствующее в случае победы привести к прорыву России на Средиземное море, установлению русско-гоконтролянадчерноморскими проливами и упрочению её влияния на Балканском полуострове», предвиделось в Петербурге, но лишь в отдалённой перспективе (с. 24). В свою очередь, внешнеполитическая программа Германии, которая готовилась к коренному переделу мира, также исходила из неизбежности войны с Францией и Россией. Так сложились объективные предпосылки для их антигерманского сближения со своим «историческим противником» – Великобританией. Однако, замечает А.В. Игнатьев, в России в начале XX в. «проглядели» возможность такого сближения, с одной стороны, оказавшись не в состоянии адекватно оценить степень антигерманского антагонизма, а с другой – переоценив глубину противоречий Лондона и Парижа. В итоге внешнеполитические задачи, которые ставило перед собой русское правительство, по мнению автора книги, «лишь отчасти» соответствовали национально-государственным интересам России, избранный им внешнеполитический курс в целом оказался ошибочным, а блоковая политика – неэффективной.

А.В. Игнатьев доказывает, что на рубеже XIX–XX вв. главная цель России заключалась в сохранении длительного спокойствия, необходимого для решения внутренних проблем – в первую очередь, для экономической модернизации страны под страхом потери ею своего великодержавного статуса (с. 55, 93, 208). Говоря о вынужденном миролюбии Петербурга, автор в то же время на протяжении всей своей книги отмечает непоследовательность внешнеполитических шагов правительства Николая II и колебания самого венценосца, а также его слабость к авантюрным влияниям и имперским прожектам, вызванную недостатком воли и государственной мудрости. А.В. Игнатьев указывает на переоценку правящей элитой им-

перии собственных сил и возможностей, на прогерманские симпатии отдельных её представителей (связанные в том числе и с консервативно-монархической подоплёкой), на межведомственные разногласия и ущербность механизма принятия решений по вопросам внешней политики. В книге содержится немало ценных наблюдений и парадоксальных оценок. Внешнеполитические сюжеты рассмотрены с учётом изменчивой расстановки сил в правящих кругах России и особенностей внутривнутриполитического положения страны. В работе обозначены основные направления российского общественного мнения по вопросам внешней политики, представлены ёмкие характеристики государственных деятелей, причастных к её выработке и осуществлению (Николая II, министров – М.Н. Муравьёва, В.Н. Ламздорфа, С.Ю. Витте, посла А.К. Бенкендорфа и др.).

Вместе с тем в рецензируемой работе встречаются, к сожалению, неисправности текста, неточности и опечатки («О.А. Айрапетов» вместо О.Р. Айрапетов, «Д. Шиммельпеннинк» вместо Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе и т.д.). Автор не всегда последователен в своих оценках. Так, развитие и хозяйственное освоение дальневосточной окраины маститый исследователь обоснованно расценивает как «одну из важных национально-государственных задач России», а заключение с Китаем договора относительно КВЖД – как её крупный дипломатический успех, «расширивший возможности России на Дальнем Востоке, и прежде всего в Маньчжурии» (с. 49, 159). В то же время её активизацию в регионе на рубеже XIX–XX вв. он предпочитает именовать «дальневосточным поветрием», «креном» или «флюсом», который во многом явился результатом «вневедомственных» влияний близких ко двору авантюристов (с. 25, 45, 122). Такая политика, полагает А.В. Игнатъев, «опережала время, не имея прочной опоры в виде экономического освоения огромного Дальневосточного региона» (с. 209). На с. 50 книги сообщается, что российские военные инструкторы были направлены в Корею в 1897 г., тогда как в действительности они явились в Сеул в

октябре 1896 г. Не совсем точно изложены и итоги правительственных совещаний первой половины 1903 г. по маньчжурско-корейским делам⁴.

А.В. Игнатъев убеждён, что во все времена «азиатские уклоны» российской внешней политики зависели от перипетий на главном, европейском, направлении, и концентрирует своё внимание именно на нём. Вместе с тем он подробно разбирает «дальневосточный вопрос», сложившийся на рубеже XIX–XX вв. в связи с положением многомиллионного Китая, и возникшую в результате «тихоокеанскую подсистему мировых международных отношений», активной участницей которой, наряду с другими великими державами, выступила и Россия. Характеризуя её политику в регионе, автор отмечает сложное переплетение традиционных «военно-феодальных» методов с рычагами экономического воздействия и констатирует, что в конечном счёте ради «ближайших выгод» приоритет был отдан авантюре в ущерб долгосрочным, трезво взвешенным государственным интересам. Платой за это стала международная изоляция, в которой Россия оказалась в преддверии вооружённого конфликта с Японией. Наиболее привлекательной стороной «дальневосточных» разделов рецензируемой работы является стремление её автора раскрыть тесную взаимозависимость рассматриваемых в них сюжетов с ситуацией в Западной Европе – с линией Петербурга по отношению к Франции (дальнейшее укрепление военно-политического союза и тщетные надежды на географическое расширение взаимодействия), Англии (поиск путей к сближению на базе урегулирования персидской, афганской, тибетской и маньчжурской проблем), Австро-Венгрии («анемичные» попытки обеспечить стабильность на Балканах и разграничить там сферы влияния).

В целом новая монография А.В. Игнатъева представляет собой крупный шаг в осмыслении внешней политики России в изобилующую событиями, сложную переломную эпоху российской истории.

Д.Б. Павлов

Примечания

¹ *Макиндер Х.Дж.* Географическая ось истории // Политические исследования. 1995. № 4. С. 163.

² *Хвостов В.М.* История дипломатии. Изд. 2. Т. II. М., 1963; История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997.

³ См.: *Игнатъев А.В.* Русско-английские отношения накануне первой мировой войны

(1912–1914). М., 1962; *он же.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М., 1966; *он же.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974; *он же.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М., 1986; *он же.* С.Ю. Витте – дипломат. М., 1989; *он же.* Внешняя политика России. 1907–1914: Тенденции. Люди. События. М., 2000; и др.

⁴ Об этом и других дальневосточных сюжетах подробнее см.: *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб., 2008.

А.В. Голубев, О.С. Поршнева. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2011. 392 с.

На протяжении последних лет изучение особенностей взаимовосприятия народов в рамках исторической имагологии привлекает внимание всё большего числа исследователей в нашей стране. Очевидно, что отечественная историография стремится наверстать упущенное время, поскольку проблемы анализа образно-представленческих систем, характерных для менталитета различных социальных слоёв и групп, вошли в сферу интересов зарубежных специалистов ещё несколько десятилетий назад¹. Рецензируемая монография известных российских историков А.В. Голубева и О.С. Поршневой в значительной степени выполняет эту задачу с привлечением широкого круга разнообразных по происхождению и характеру источников, которые исследуются авторами на основе целого комплекса методологических подходов: контент- и ивент-анализа, компаративистики, культурной антропологии. К безусловным достоинствам исследования следует отнести то, что его объектом выступает сознание не только образованной части российского общества, но и простых жителей деревень и городов.

Структура книги полностью соответствует стремлению авторов проанализировать динамику образов союзников сначала царской, а затем и Советской России с акцентом на годы Первой и Второй мировых войн. Введение даёт читателю общее представление о методологии работы, её источниковой и историографической базе

и степени изученности темы. В целом оно не вызывает возражений, однако авторы слишком кратко говорят о зарубежной историографии, хотя за последние годы по данной тематике было опубликовано немало статей и монографий германских, австрийских, французских, британских и американских авторов². Вызывает ряд вопросов и интерпретация авторами таких взаимосвязанных, но различных по содержанию когнитивных конструкций, как *образы* и *представления*. По моему мнению, необходимо учесть, что образы подобно «кирпичикам» формируют представления, которые в отличие от первых не ограничиваются фиксацией внешних признаков явлений, а содержат ещё и рефлекссию, то есть анализ (верный или ложный) их происхождения, внутренней структуры и условий существования. Группируясь вокруг определённого «тематического стержня», представления образуют группы (или кластеры), между которыми возникают связи системного характера различных видов: казуальные, атрибутивные, компаративные и т.п. Именно тогда можно говорить о формировании *системы представлений* у членов социальных общностей.

Деление основного содержания исследования на две примерно равные части выглядит обоснованным и логичным. В самом деле, как неоднократно справедливо отмечают Голубев и Поршнева, между восприятием россиянами союзников в